

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА

«У Пушкина нашел я уже толпу в передней и в зале; страх ожидания пробежал по бледным лицам... Я подошел к болящему, он подал мне руку, улыбнулся и сказал: «Плохо, брат!» Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток. В первый раз сказал он мне ты — я отвечал ему так же и побратался с ним уже не для здешнего мира», — так начинает свою записку о смерти Пушкина его друг, доктор Владимир Иванович Даль. Не тот величественный, седобородый старик — маститый писатель, этнограф, создатель знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка», каким известен нам всем В. И. Даль по портрету В. Г. Перова. Нет, в 1837 году это молодой еще человек, почти ровесник Пушкина, в прошлом морской офицер, участник двух войн, врач, начинающий литератор, который всего четыре года назад познакомился с Пушкиным.

СОХРАНИЛИСЬ портреты Даля тех лет. На них мы видим его таким, каким его знал Пушкин. Один из рисунков поэта в Ушаковском альбоме, изображающий неизвестного молодого человека, привлекает внимание своим удивительным сходством с портретами Даля. Сравним их. Тонкие черты лица. Несколько необычная форма крупного носа. Не уступая в мастерстве профессиональным художникам, Пушкин передает своеобразный разрез больших выпуклых миндалевидных глаз, красиво очерченную рельефную линию рта, складки в углах губ, округлый крупный подбородок... Кажется, есть основания считать, что на рисунке Пушкина изображен Владимир Иванович Даль.

К какому времени отнести этот рисунок? Разумеется, он не мог быть сделан до 1832 года, когда состоялось знакомство Пушкина с Далем. Странно, что они не познакомились раньше — их связывал круг общих друзей: Языков, Жуковский, Вельтман, Плетнев... Но необычная история их дружбы и начинается необычно. «Жуковский долго хотел поехать с ним вместе к Пушкину, но ему было все некогда. Даль взял свою новую книжку и пошел сам представиться», — записывает собиратель рассказов о Пушкине П. И. Бартенев со слов Даля.

Возможно, при этой встрече были произнесены имена общих знакомых, но главной рекомендацией Даль считал свою книгу «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казком Владимиром Луганским...». Первые литературные опыты Даля не были удачными, но, перелистав книгу, Пушкин увидел, что молодой писатель «стремился познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором», понял, что именно это особенно важно автору. «Пушкин, — вспоминает об этой встрече Даль, — засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается. «Сказка сказкой, — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать — надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в

«Друг его и доктор Даль...»

Кто изображен на рисунке поэта?

В графическом наследии А. С. Пушкина особое место занимают его рисунки в так называемом Ушаковском альбоме. Альбом принадлежал московской знакомой поэта, Елизавете Николаевне Ушаковой, вышедшей в 1830 году замуж за доброго друга Пушкина Сергея Дмитриевича Киселева.

Среди рисунков Пушкина в альбоме — широкоизвестные автопортреты поэта, шуточные зарисовки и карикатуры, портреты друзей: Дельвига, Грибоедова, Вяземского, Нащокина. Некоторые рисунки начали публиковать и атрибутировать после смерти Пушкина еще по свидетельствам современников. Значительная часть их определена и прокомментирована выдающимися исследователями графики Пушкина — А. М. Эфросом и Т. Г. Цявловской. Но многие остаются пока портретами неизвестных...

Сегодня мы предлагаем читателям опыт атрибуции еще одного рисунка Пушкина из Ушаковского альбома.

сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!».

Возникшая в результате этой встречи дружба, которая началась без внешней предистории, прямо со знакомства, была, по видимому, основана не просто на взаимной симпатии. Общность интересов объединила первого писателя России и начинающего литератора. «Пушкин живо интересовался изучением народного языка, и это их сблизило. По словарю свой Даль принимался по настоянию Пушкина», — записывает Бартенев.

...Осень 1833 года. Пушкин собирает материалы к «Истории Пугачева», предпринимает большую поездку по местам пугачевского восстания. Ему необходимо посетить Оренбург. Здесь он снова встречается с Далем, который недавно поступил на службу к оренбургскому военному губернатору В. А.

Перовскому чиновником по особым поручениям. Даль с радостью помогает Пушкину в его работе, проводит с ним несколько дней. Трудно представить себе более подходящего провожатого и спутника: Даль, проживший в Оренбурге уже около полугода, рассказывает Пушкину историю осады города, показывает знаменитую колокольню, откуда Пугачев собирался обстреливать Оренбург, передает рассказы участников и очевидцев восстания, везет его в Бердскую станицу, долгое время бывшую ставкой Пугачева. «...Мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача, — вспоминает Даль. — Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец... Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец».

Недолгое совместное путешествие еще больше сблизило их.

Мы узнаем из воспоминаний Даля об удивительной откровенности, доверительности, с которой Пушкин говорил с ним о своих тогдашних занятиях и замыслах, вспоминал свою молодость.

Вероятнее всего, к этому времени и следует отнести рисунок, изображающий Даля. И в Оренбург, и обратно в Петербург Пушкин ехал через Москву, где оба раза останавливался, виделся с друзьями. Мог он навестить и своих давних приятелей — С. Д. Киселева и его жену Е. Н. Киселеву, урожденную Ушакову, — владельцев альбома, в котором нарисован портрет Даля. Можно даже предположить, что портрет этот, тщательно и с нежностью прорисованный, как будто освещенный воспоминаниями о совместных трудах и откровенных беседах, был сделан уже при возвращении из Оренбурга...

Впереди — трехлетняя разлука. Даль приедет в Петербург по делам службы только в декабре 1836 года. Известно, что незадолго до дуэли, в январе 1837 года, Пушкин навестил Даля. Пушкин сам пришел к нему — эта деталь о многом говорит. Просил Даля показать записи слов, просматривал их и... «указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: «Эту выползину я теперь не скоро сброшу». Выползиную называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука ему надолго станет. Он действительно не снял этого сюртука, а его спорили с него 27 января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку от раны».

28 января Даль уже около умирающего Пушкина. У «одра смерти» сменяют один другого давние, ближайшие его друзья и единомышленники — Жуковский, Вяземский, А. И. Тургенев; прекрасные врачи — домашний доктор Спасский, опытный лейб-медик Арендт. Но Даль — врач и друг, «брат» — уже не отходит от Пушкина до конца страшных суток. «Друг его и доктор Даль облегчал последние минуты его», — пишет А. И. Тургенев. По свидетельству В. А. Жуковского, «почти всю ночь (на 29-е число; ...Даль провел у его постели, а я, Вяземский и Вельгорский в ближней горнице) он продержал Даля за руку...».

Вскоре после смерти Пушкина Даль составит драгоценную записку о его последних часах. Позже напишет сам и расскажет современникам о своих встречах с поэтом.

От Пушкина мы не знаем о Далем ничего, кроме единственного беглого упоминания в письме к их общему знакомому. До нас не дошло ни одного письма Пушкина к Далю. Не сохранилась, к сожалению, и рукопись «Сказки о рыбаке и рыбке», которую поэт, по рассказу биографа Даля, подарил ему с дружеской надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин»...

Хочется думать, что рисунок, изображающий Даля, и есть то свидетельство Пушкина об их дружбе, которого нам так недостает.

А. ФРУМКИНА,
хранитель рукописного фонда Государственного музея А. С. Пушкина.

● Рисунок А. С. Пушкина. В. И. Даль. Портрет работы неизвестного художника. 1830-е годы.

● В. И. Даль. Портрет работы неизвестного художника. 1830—1840-е годы.

Заслуженный художник РСФСР Владимир Вагин создал цикл иллюстраций к книге А. С. Пушкина «Эпиграммы», которая готовится в Пермском книжном издательстве. Сегодня мы представляем некоторые работы художника.

● Рисунок к эпиграмме на генерал-губернатора Новороссии графа М. Воронцова, в канцелярии которого поэт служил в 1823—1824 годах. Служба кончилась для Пушкина высылкой в Михайловское.

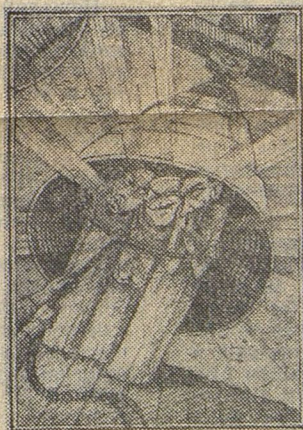
Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-невежда, Полу-подлец, но есть надежда, Что будет полным наконец.

● Рисунок к эпиграмме на Д. Северина, бывшего участника «Арзамаса», дипломата, человека низкопоклонного, чванлого и дерзкого.

ЖАЛОБА

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин, —
Таков об вас народный говор.
И дива нет — не вы один.
Потому предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

● Иллюстрация к эпиграмме на членов литературного общества «Беседа любителей русского слова».

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!